

Кутузов

Персонаж романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», главнокомандующий русской армией. Участник реальных исторических событий, описанных Толстым, и одновременно сюжета произведения. У него «пухлое, изуродованное раной лицо» с орлиным носом; он седой, полный, тяжело ступает. На страницах романа Кутузов впервые появляется в эпизоде смотра под Браунау, производя на всех впечатление знанием дела и вниманием, скрытым за кажущейся рассеянностью. Кутузов умеет быть дипломатичным; он достаточно хитер и говорит «с изяществом выражений и интонаций», «с аффектацией почтительности» подначальственного и нерассуждающего человека, когда дело не касается безопасности родины, как перед Аустерлицким сражением. Перед Шенграбенским сражением Кутузов, плача, благословляет Багратиона.

В 1812 году Кутузов, вопреки мнению светских кругов, получает княжеское достоинство и назначается главнокомандующим русской армией. Он любимец солдат и боевых офицеров. С начала своей деятельности в качестве главнокомандующего Кутузов считает, что для победы в кампании «нужно терпение и время», что решить все дело могут не знания, не планы, не ум, а «что-то другое, независимое от ума и знания». Согласно толстовской историко-философской концепции, личность не в состоянии по-настоящему влиять на ход исторических событий. Кутузов обладает способностью «спокойного созерцания хода событий», однако умеет все увидеть, выслушать, запомнить, ничему полезному не помешать и не позволить ничего вредного. Накануне и во время Бородинского сражения командующий следит за подготовкой к бою, вместе со всеми солдатами и ополченцами молится перед иконой Смоленской Божией матери, и во время боя управляет «неуловимой силой», называемой «духом войска». Мучительные чувства испытывает Кутузов, принимая решение об оставлении Москвы, но «всем русским существом своим» знает, что французы будут побеждены. Направив все свои силы на освобождение родины, Кутузов умирает тогда, когда роль его исполнена, а враг вытеснен за границы России. «Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история».